

Ю_Шутова

Дао Евсея
Козлова

18+

Ю_ШУТОВА
Дао Евсея Козлова
Серия «Длинный список 2020-го
года Премии «Электронная буква»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50173034

Дао Евсея Козлова: SelfPub;

ISBN 978-5-532-07975-5

Аннотация

Старая тетрадь из потертого чемодана. Дневник петроградского обывателя. Он начал записывать в первые дни Великой войны, а закончил в последний год Великой империи. Он встречал людей, чьи имена остались в Истории, но даже не подозревал об этом. Его имя осталось никому не известным. Калейдоскоп столичной жизни времен Первой мировой глазами очевидца: спиритические сеансы и стачки, рестораны и кинематограф, баронессы и биржевые маклеры, поэты и буддийские монахи, сыщики и шпионы...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

62

Давеча притащила с помойки старый чемодан. Как увидела его, сразу поняла – мое. Он грязный, окривевший, в одном месте лопнул, трещина на крышке, хорошо хоть не слишком большая. А когда-то это был кожаный красавец, простроченный, с ремнями, блестящим латунным замком и с кожаными же черными угловыми накладками. Франт, а не чемодан. Как вообще можно столь достойную вещь довести до столь плачевного состояния. Утешает, что не затолкали в контейнер, бросили рядом, вдруг кому-нибудь надо.

Кому-нибудь – это мне.

Чемодан был набит чем-то, тяжелый, но открыть на месте не получилось, и я потащила его домой как есть. Дома поколдовала над замками с помощью масла «Брейк фри» и кое-каких железок и открыла.

Оказалось, чемодан забит бумагой: газетные вырезки времен Первой мировой, фотографии никому неизвестных, канувших в лету людей, какие-то исписанные еще настоящими фиолетовыми чернилами тетрадки, рисунки, явно детские, с лошадками, рождественскими елками и другими наивными радостями, просто перемешанные между собой записки или письма, сразу не разберешь.

И я начала разбирать, раскладывать на кучки, систематизировать как-то все это богатство. Дело это долгое. Но вот пока прочитала одну тетрадь. Показалось забавным. Вроде как дневник, хотя даты нигде не проставлены. Кро-

ме одной – в самом конце. Поток сознания, поток дней, минувших, забытых. Иногда пустых, а иной раз очень интересных.

Решила опубликовать то, что прочитала.

Много чего мне было не понять, полезла в Интернет, перелопатила массу новой для меня информации. Кое-где поставила сноски, но немного. Может, я впервые с чем-то столкнулась, а для кого другого это окажется прописной истиной. Много чего оставила без объяснений. Я нашла, а вы хотите – тоже погуглите, а хотите – проезжайте мимо. Дело хозяйское.

Еще, чтобы разбавить текст, я вставила в него несколько отрывков из чемодана. Не знаю, имели ли они какое-то отношение к автору дневника или к его близким. Может быть, и нет. Может быть, они из параллельных вселенных.

На титульном листе тетради – надпись, как положено с ятями и твердыми знаками. Но раз уж я переписываю, то сразу обойдусь без них. Из старой грамматики оставила кое-что, например, «селянку» вместо нынешней «солянки» и слово «шоффер» через два «Ф». Это показалось мне гораздо более благородным нежели «шофер» или еще того прекрасней – «шо́фер».

Озаглавлено просто, без затей – «Записки Евсея Козлова, столичного обывателя».

Дальше читайте сами.

Сегодня решил начать записывать. Что-то вроде дневника. Я далеко не экзальтированная барышня и уж тем более не гимназистка, чтобы вести дневник. Но все же... Может, на старости лет самому будет небезынтересно вспомнить нынешние дни, а может, и кому другому записки мои сгодятся. Живем мы, как неожиданно оказалось, в эпоху перемен. И куда заведут нас эти перемены, бог весть.

С утра пошел взглянуть на яхту Государя Императора, что стоит на Неве близ Зимнего. Погода пасмурная, не жарко, не то что еще пару дней назад, того и гляди, дождь пойдет, поэтому я пододел под пиджак свой старый атласный жилет. Зонт решил все же не брать, ограничился триковой фуражкой. Полюбовавшись яхтой, а, надо сказать, зевак на набережной собралось немало, хоть и стоит она тут уже четвертый день, я двинулся в сторону Марсова поля. Прочитал во вчерашней «Газете-Копейке», что объявлена военно-автомобильная повинность. И на Марсовом собираются мобилизованные авто.

Машин собралось десятки – Рено, и Опели, и Руссо-Балты – преизрядное количество. Моторы рычат, клаксоны взывают ишаками, дым во все стороны. Удивило меня то обстоятельство, что за рулем многих автомобилей были дамы. Не всегда и поймешь, что дама перед тобой. Куртка чертовой кожи, такие же брюки, а у некоторых на лицах большие очки. Когда же я выразил удивление столь великим присутствием женского пола, стоящий рядом со мной господин весь-

ма почтенного возраста сказал мне, что, по его мнению, дамы очень любят скорость и что лет десять-двенадцать назад в Михайловском манеже проводился конкурс по ловкости управления тогда еще паровыми автоэкипажами и выиграла этот конкурс некая дама на своем Дуксе. Не уверен, что это было возможно в те времена, но сегодня приверженность наших женщин техническому прогрессу очевидна.

Но, так или иначе, а сегодня все эти мощные элегантные красавцы отправятся на фронт, чтобы внести свой вклад в нашу скорую победу. Собравшиеся на Марсовом были очень воодушевлены. Пылая верой в победу, они без сожалений расстаются со своими верными железными конями. А ведь стоят эти авто немалых денег. За Рено АХ выпуска прошлого года плачено не менее 5000 рублей. А что уж говорить о Руссо-Балте К-12 или С-24. Зрителей собралось множество. Тут и там толпились они возле машин, обсуждая их устройство, скорость и возможности. Везде разговоры о войне, мобилизации, пожертвованиях, открытии лечебниц для раненых. Меня не покидает чувство, что весь наш народ, оставив в стороне разногласия и споры, сплотился, слился в единую массу, в единый мощный кулак. И этим кулаком сметем мы нашего врага, всю эту армию немецких бюргеров, булочников и аптекарей, вместе с их спятившим кайзером.

Домой возвращался по Фонтанке, зашел в лавку Товарищества Вольфа, чтобы забрать очередной номер журнала «Известия книжных магазинов». И там на прилавке заметил

занятную новинку, небольшая книжица китайского мудреца в переводе Даниила Конисси под названием «Книга пути и достоинства». Просили за нее недорого, и я решил взять, почитать на досуге, что скажет нам древняя тысячелетней давности мудрость. Можно ли применить ее в сегодняшней сложной многоплановой эпохе, или она безнадежно устарела, покрылась пылью веков, заскорузла в своей самоуверенной косности.

* * *

Сегодня горело германское посольство. Я как раз пошел на почтамт, но только вышел на Исаакиевскую, как увидел толпу возле этого уродливого дома. Всегда считал, что оно портит вид площади, мрачное, как средневековая крепость, никак не сочетается ни с сияющим праздничным куполом собора, ни со стройным Мариинским дворцом. И эти огромные голые тевтонцы со щитами в руках, и их кони-тяжеловозы. Все мощно и грубо. Забравшиеся на крышу мастеровые повалили одного каменного болвана наземь, и толпа радостными криками приветствовала эту маленькую победу. На мостовой валялись разбитые столы и прочая мебель, разорванные портреты, гардины, под ногами хрустели обломки. Казалось бы, зачем громить, ломать и выкидывать все эти вещи. Я уверен, что русский человек воспринимает это как борьбу с германцем: если не может он достать отсюда врага,

то хоть уничтожит то, что принадлежало ему, служило ему, переносит он свою ненависть к противнику на все, что окружало того. С неистребимой жадой борьбы и победы бросается он на эти шкафы и столы, крушит их, топчет, предает огню. Так крушил бы он на поле брани врага своего. Тут из разбитых окон повалил дым, а за ним показалось и пламя. Никто не бросился тушить, никто не попытался спасти здание. Пусть сгорит дотла.

* * *

Вчера телефонировал Лима, оказывается, он вернулся из своей Райволы. Обычно брат с семейством приезжает в город только в сентябре, стараясь протянуть дачную негу как можно дольше, но в этом году все стали возвращаться с финских дач раньше срока. Напуганы. Едут домой.

* * *

Начал читать ту книжицу, «Книгу пути и достоинства». Как бросил ее на столик возле дивана, так она там и лежала, а сверху постепенно копились газеты. Газет нынче нельзя не читать, очень о многом важном они пишут, репортажи с фронта опять же. Вот и накопилась целая стопка. Да что стопка, целый стог бумажный. Книжка под ним и затерялась.

Я, признаться, позабыл о ней. А давеча решил все прочитанные газеты на растопку кухарке отдать, китайский мудрец и выплыл, обнаружил себя.

Как я и думал, теперь эта мудрость никому не нужна, ничего она не стоит. Вот, например: «...Все знают, что добро есть добро, но оно только зло». Что же, благими намерениями дорога в ад вымощена, с этим не поспоришь. А вот это как понимать прикажете? Это сказано о правителе, о мудром, заметьте, правителе, о таком, коего надо желать отчизне своей. «Он старается, чтобы народ был в невежестве и без страстей. Также он старается, чтобы мудрые не смели сделать чего-нибудь. Когда все сделаются бездейтельными, то на земле будет полное спокойствие». То есть надо народу дать только пищу, удовлетворить его простейшие потребности (сытый, теплый хлев), но не давать знаний, никакого просвещения, а то народ станет «мудрым» и «посмеет» сделать что-то вредное для государства. По-моему, это самоочевидная глупость. Почему надо предполагать, что просвещенный народ будет вредить своему отечеству? Это какая-то китайская казуистика. Напротив, вооруженные передовыми знаниями люди будут стремиться и будут способны работать на благо этого самого отечества. Что, без всякого сомнения, приведет к усилению и государства, и его правителя.

День сегодня по-настоящему летний, ни ветерка. Окно у меня открыто, над двором небо голубое, чистое, бездонное. Читал я, сидя прямо на подоконнике. Но мысленные рассуж-

дения мои были прерваны криком торговки, вошедшей во двор: «Селедки галанские! Селедки галанские!» Тыфу, пропасть, ну тебя вместе с селедками твоими «галанскими». Закрыл окно и читать бросил.

* * *

Привычка моя просматривать каждый день газеты дает трещину. Не то, чтобы я начал манкировать этим, но бывлой жадности – скорее, что там, что пишут, что происходит – уже нет. Хороших новостей совсем мало. Остановлено строительство Дворцового моста, металл, предназначенный для его конструкций, пойдет на нужды фронта, на оружие. За Невской заставой женщины, жены запасных, разнесли рынок. Были недовольны тем, что торговцы поднимают цены. Их можно понять. Цены действительно растут день ото дня. Курьез: упали цены на зажигалки, теперь эти вещицы можно купить по гривеннику. Общество объявило бойкот австрийским товарам, дамы не берут венские модные журналы. Зато вырос спрос на географические карты. Все пытаются следить за ходом войны. Рисуют стрелочки и втыкают булавки в австрийские деревни и хутора, будто занимаются черной магией.

* * *

Лима предложил сходить в театр «Буфф» на представление «В волнах страстей». Завтра идем.

* * *

Пишу поздно вечером, можно сказать, ночью. Окно открыто. С улицы ни ветерка, ни звука, тихо как в могиле. Были с братом в театре, постановка так себе, пустая пьеска. Потом поехали в ресторан на Большой Морской, это совсем рядом с моим домом, мы довольно часто заходили сюда до войны. «До войны» — скоро будет самой повторяемой фразой: «...это было еще до войны...», «вот до войны не случилось...». Время разделилось надвое — на «до войны» и ныне. В ресторане мы как завсегдатаи спросили портвейна и водки. Подали, естественно, в фарфоровых чайниках, свободная продажа запрещена. Чокнулись чашками, закусили грибочком маринованным, а потом Лима и сказал то, что, видимо, весь вечер готовился сказать. Когда за волнами страстей следили, когда в ресторан на пролетке ехали, болтали о солнечном затмении, давеча взбудоражившем весь город. Лима уходит на фронт. Едет с санитарным поездом, военным хирургом.

Как гордился отец, когда его младший сын пошел учиться на врача. Не то что старший – шалопай и бездельник, не продвинувшийся дальше ленивого канцеляриста. Это я о себе. Мы с Климентом погодки, всегда были друг у друга. Он маленький долго не мог научиться говорить хорошо, до четырех лет даже имена наши Евсей и Климент выговорить не мог, себя называл Лима, а меня – Сей. Отец, видя нас всегда вместе, всегда вдвоем, звал нас как единого человека – Лимасей, так и говорил: «Лимасей, завтракать давай» или «Не прокатиться ли в лодке, Лимасей». Только уж когда в гимназию поступили, попросили мы не называть нас более детским этим прозвищем, дескать, взрослые мы и не пристало нам носить младенческое имя. А взрослыми когда уже стали по-настоящему, у меня нет-нет да и повернется язык брата назвать Лима. Так и вернулось старое имя.

И вот теперь Лима едет на фронт. А я остаюсь.

* * *

Германцы заняли Брюссель.

* * *

Петербурга больше нет. Теперь мы живем в Петрограде.

Петроградъ.

39-30. 2-е изд.

Pétrograd

М. О. Микѣшинъ (1836 - 1896)

М. О. Mikéchine (1836—1896)

Снимают все вывески с фамилиями и названиями, мало-мальски похожими на немецкие. Для поднятия боевого духа нации? Для посрамления врага? Я не понимаю. Вагнера больше не исполняют в Мариинке. Бухгалтеров переименовали в счетоводов. Трактир на Сенной из «Франкфурта-на-Майне» переименовали в «Ростов-на-Дону». С чем мы боремся? Со словами? С именами? Разве есть смысл бороться с именами? Тем более что нет имен истинных, истинные имена не изречимы, а те, что произнесены, – ложны.

Какой смысл менять одно ложное имя на другое. Поменили имя города, и мы все воодушевлены. Это так патриотично. То есть это и есть патриотизм, любовь к Отечеству? Нельзя любить город с «немецким» именем, а с «русским» – можно и должно.

* * *

Инстербург, Каушен... Немецкие имена русских побед. Ликование. Сотни убитых, не солдат, а офицеров, кавалергардов. Цвет армии, элита, те, кто должен руководить войсками, а их пустили под нож... «Когда сделается известной победа, то следует встретить эту весть с траурным обрядом, ибо на войне очень многие погибают. Так как на войне очень многие погибают, то следует оплакивать войну. Когда война окончится победою, следует объявить всеобщий траур».

Прав был этот китайский гаер Лао-Цзы, ох, как прав.

* * *

Закрыли газету «Последние телеграммы», дескать, там публиковались вымышленные материалы о положении на фронте. А в других газетах – все правда? Не уверен, что есть смысл верить одним заметкам и не верить другим. Все перепутано, правда порождает ложь, а та, в свою очередь, рождает миф. Миф становится правдой. И все уходит на следующий круг, перетекает друг в друга, движется, не останавливаясь. Стараюсь не читать газет. Как знать, что происходит на самом деле. И главное, нет никаких вестей от Климента. Юго-Западный фронт. Город Ровно. Это все, что я знаю. А писем все нет.

* * *

Принял решение рассчитать кухарку. Авдотья Поликарповна вполне меня устраивала, почтенная женщина, муж шьет картузы и фуражки, двое детей, готовит она хорошо, да и обходится мне недорого – пять рублей в месяц плюс на продукты. Но лучше я буду ходить обедать к Елене, жене моего брата, и отдавать эти деньги ей. С Еленой мы дружны. Будет повод видаться чаще и помочь их семье средствами.

Просто так денег она не возьмет, горда. С Еленой я уже договорился, она согласна, осталось поговорить с Авдотьей.

Сегодня, пользуясь хорошей погодой, вышел прогуляться в Александровский сад. Хотя и середина сентября, а дни прямо летние, да у нас и летом такая погода – редкость. Солнечно, по безмятежному небу плывут легкие обрывки облаков, как кисея невесты. Вот уж, пожалуй, с неделю такая теплынь стоит. Пошел не по главной аллее, а где публики поменьше, ближе к памятнику Пржевальскому. Вдруг вижу, обгоняет меня велосипедист. Как-то сразу засвербело в мозгу, что-то с ним не так. Велосипедист в немецкой военной форме. Зеленый мундир, каска с шишаком, кожаные ремни. Что такое? Умный провокатор или глупый шпион? Или просто сумасшедший? Городового звать? Я заозирался. Смотрю, впереди сбоку от дорожки оператор с камерой и еще какие-то люди вокруг, один с рупором. Фильму снимают. Я не постеснялся подойти к той группе, чтобы спросить, что за фильма. Один господин повернулся ко мне, и я узнал его, знаменитый Мозжухин. Он и просветил меня, что ателье Ханжонкова снимает патриотическую картину «Тайна германского посольства».

* * *

Сегодня, когда обедал у Елены, принесли письма от Лимы. Боже, какое счастье – он жив и здоров. Сразу всю доса-

ду, отчего не писал так долго, как рукой сняло. Брат прислал два письма – одно жене, второе мне, но почему-то на свой же домашний адрес. Может, решил, что я как холостяк могу сменить квартиру, и для верности отправил по своему адресу. Оказывается, он с санитарным поездом прибыл в Ровно, и там был развернут госпиталь, в коем он и служит. В том же госпитале, как писал мой брат, работает сестрой милосердия Великая княгиня Ольга Александровна. Попав с нею впервые в одну смену, он был очень затруднен, как ему обращаться: «Ваше Императорское Высочество», «сударыня», «Ольга Александровна»? Не решив эту проблему самостоятельно, он адресовался прямо к ней.

– А как вы обращаетесь к другим сестрам? – спросила она.

– По фамилии.

– Вот и ко мне обращайтесь так же. Моя фамилия – Романова.

Великая княгиня – просто сестра милосердия. Пример высокого служения? Пример христианского смирения? Какой там Папа Римский мыл ноги нищим? Не упомяну. Но это была поза. Подражание. Уподобление Христу. Игра на публику. Спектакль, одним словом. А эта женщина, одна из самых богатых дам империи, каждый день ковыряется в крови, перебинтовывает, моет, выгребает дерьмо из-под раненых солдат. Улыбается им, разговаривает, утешает, устраивает для них концерты. Для чего? Ни для чего, такой вопрос даже не ставится. Уверен, ей это даже не приходит в голову.

Зачем? Затем, что это надо делать, и не один раз, когда придет фотограф, а каждый день. Одно и то же каждый день. Одна и та же грязная работа. И она знает, что это ее место. Почему она это делает? Потому что может. Это ее путь. Она неукоснительно следует за ним. Сама ли она выбрала этот путь? Или это путь выбирает того, кто должен и может идти по нему? Это Дао. «Когда Дао разделилось на части, то получило имя. Если имя известно, то нужно воздерживаться. Каждому следует знать, где ему нужно оставаться. Кто соблюдает во всем воздержание, тот не будет знать падения». Постигнуть, в чем заключается твой собственный путь, а постигнув, пойти по нему, не страшась и не оглядываясь назад, на то, что оставил, о таком многие мечтают, да не многие на то осмеливаются. Лао-Цзы был великим философом, я это понимаю теперь. Его «Книга пути», возможно, откроет и мой путь, мое Дао. Пока я не готов.

* * *

Я не рассчитал свою Авдотью Поликарповну, но у меня она теперь не работает, теперь она у Елены. Вышло это следующим образом. Только я заикнулся Авдотье, что хочу дать ей расчет, как она чуть ли мне в ноги не повалилась. «Готова, – говорит, – работать за меньшие деньги, только не увольняйте, Евсей Дорофеич. Куда я пойду?» Я уж ей пообещал дать самые лучшие рекомендации, а она говорит, что это все

без толку. В городе сейчас сотни женщин, готовых работать за копейку. Жены запасных, поселенных по окраинам города, будут мыть, стирать, готовить, да все что угодно, лишь бы прокормить своих детей. Казенных денег им выделяют что-то с два рубля с небольшим в месяц, этого никому не хватит, продукты дорожают. Что ж, я не смог настоять сразу, сказал, подумаю. А через два дня телефонировала Елена и попросила меня найти ей новую кухарку. Да что за беда у нас с кухарками? А вот что. В семействе Климента работала Анна, если не ошибаюсь, Анна Васильевна Пруткина, средних лет особа, незамужняя. Я не предполагал, что она выйдет замуж, как-то не пришлось нам обсуждать ее положение. Но, так или иначе, а примерно год назад вышла Анна Пруткина за сапожника Иогана Штосса из поволжских немцев. И все бы хорошо, да нынче немцев начали выселять из столицы. Езжайте в «фатерлянд» и будьте здоровы. Ехать в Пруссию Карл не пожелал и, пока не отправили насильно, решил перебраться к родне в Саратов. Анну перспектива остаться соломенной вдовой не прельщала, поэтому она попросила у Елены расчета с тем, чтобы ехать с мужем. Таким образом, перебралась моя Авдотья Поликарповна в семейство моего брата, я же настоял на том, что жалованье ей и закуп продуктов для стола буду оплачивать сам. Поколебавшись, Елена с тем согласилась.

Меня теперь очень беспокоит моя племянница Александра. У Климента и Елены трое детей – младший едва начал ходить, он полностью на попечении матери, еще Дорофей, тому шесть исполнилось в этом году, о нем тоже заботится Елена, и заботится весьма хорошо. А вот старшая, Александра, Санька, как мы все ее зовем, – моя любимица, ей уже тринадцать, и это весьма дерзкий и самоуверенный ребенок. Мы с ней большие приятели, но как оказалось, у нее есть тайны и от меня.

Давеча на Садовой утром остановился почитать газеты и так зачитался, что не заметил, как какой-то шкет вытащил у меня из кармана пальто бумажник. Я бы так и ушел, хватившись гораздо позже. А этот малец, вытащив добычу, сразу бросился бежать. Да тут на него из-за угла наскочили два подростка. Это-то я и увидел. Набросились, повалили и давай его мутузить. Присмотрелся я, один из них – сын дворника из Елениного дома, Юсупка, а второй тоже вроде как знаком, да узнать не могу. Вот они воришку отметилили, и Юсупка ко мне с бумажником бежит. А напарник его за угол сиганул, вроде как спрятаться пытается. Да только не утерпел и оглянулся. Смотрю, что за черт, это ж Санька наша, в мальчика переодетая. А время ей как раз в гимназии на уроках быть. Я Юсупку за руку ухватил, хотел сразу допрос

учинить, уж рот раскрыл, да передумал. Поблагодарил только да гривенник дал.

Тем же днем прихожу к Елене обедать как ни в чем не бывало. Скоро и Александра должна из гимназии прийти. Является. Как обычно, в форме своей, причесана, умыта. А кто сегодня по городу бегал в штанах да куртяшке, в чоботах да картузе?

– Добрый день, маменька, здравствуй, дядюшка.

Как отобедали, я предложил племяннице пойти прогуляться. Вышли на Конногвардейский бульвар, идем.

– Ну что, – говорю, – девонька, сама расскажешь, или прижать тебя доказательствами к стене?

Она своими стриженными кудряшками гордо встряхнула и отвечает:

– А ты хочешь маменьке пожаловаться, что видел меня с Юсупкой? Да, ты можешь. Но сам подумай, что это даст. Она разнервничается, плакать, поди, начнет, что дочь у нее такая непутевая. К Юсупкиному отцу пойдет. Тому, что ж, придется Юсупа наказать, выпороть, что ли. А мне потом придется в город одной выбираться без товарища. Или подговаривать Юсупку против родителей идти. Кому хорошо будет?

Ишь, как все поворачивает. Она дерзкая чем? Дерзить да капризничать – это каждый ребенок может. А эта девочка говорит то, что думает, и не заботится о том, имеет ли она право на это. Считает, что имеет.

– Так у вас заговор? Тайное общество? И родители Юсуп-

ки в курсе, чем вы занимаетесь?

– Да, у нас тайное общество! А ты спроси сначала, чем это мы занимаемся. Спроси, спроси!

– Ну, спрашиваю. А чем, собственно, вы занимаетесь?

– Мы, когда папу провожали, помнишь, сколько вагонов, полных солдат, видели? Вагоны, вагоны, десятки вагонов, сотни солдат. На фронт едут, может быть, на смерть. А они песни поют, смеются. Семечками нас угощали. Мы в гимназии решили кисеты шить для солдат. Шили, а куда те кисеты пошли, я не знаю. Дошли ли они, куда надо, бог весть. Я тогда девочек подговорила, чтобы они свои кисеты мне отдавали. А мы с Юсупкой махорку покупаем и отдаем солдатам прямо в вагонах.

– А гимназия?

– А что гимназия... Я классной даме сказала, что у меня недомогания. Я же не каждый день.

– Ну, хорошо. А одежда откуда?

– Ну, дядюшка же, ну у нас же ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО, ты же сам сказал. Это мне тетя Наилия дала, Юсупкина мама. Я и форму у них оставляю. В дворницкой.

Подумать только, эта девчонка все продумала и всех заставила вертеться вокруг себя. Свои карманные деньги тратит на махорку для солдат, жена дворника ей помогает, Юсупка, тот вообще, как верный паж, во всем ее слушается. А теперь и я решить должен – выдать ее похождения матери, что является самым правильным, потому как негоже юной

девице... и так далее, или покрывать ее деяния и оказаться в том самом ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ. Ну, и что делать-то мне, старому ослу? Долго я шел, молча, загребая ногами желтые листья. Шур-шур, шур-шур. Думал. А потом сказал:

– Ладно, Санька, давай так. Маме я ничего говорить не буду.

– Ура! – заплясала вокруг меня.

– Но и вы с Юсупкой одни ходить к вагонам не будете.

– Ну, дядечка... – сникла.

– Я с вами пойду, у меня и денег больше, махорки больше купить сможем. Да мне и самому интересно.

Так я оказался в Санькином тайном обществе. Порешили мы делать эти вылазки один раз в неделю, а чтобы в гимназии не догадались о притворной природе Санькиных «недомоганий», выбирать дни последовательно, на этой неделе – понедельник, на следующей – вторник и так далее. А поскольку сегодня была среда, значит встречаемся на следующей неделе в четверг в восемь утра в дворницкой.

* * *

Зима в этот год пришла рано и дружно, уже с ноября все в снегу. Холодно. Иногда пробираешься под ветром по улице, пригнувшись, все глаза пурга забивает. Наши тайные выходы с Санькой продолжают, вчера ходили с ней и Юсупкой к Царскосельскому вокзалу. Там стоял эшелон с сибирскими

стрелками, все в косматых папах, сами как лесные звери. Жандарм увидел нас, хотел остановить, но мои подопечные ловко ввинтились ему под руки с двух сторон и побежали к вагонам. Протягивают кисеты, носки вязанные, варежки, все, что Санька со своих одноклассниц насобираала, кричат: «Берите, берите!» Жандарм ко мне обернулся и только рукой махнул, чего уж, мол, пусть. А солдаты, им из вагонов выходить не разрешено, тоже руки тянут, смеются, кричат что-то, не разберешь, и все, что мы принесли, быстро исчезает где-то в жарком нутре вагона. А тут запевала завел: «Рвемся в бой мы всей душою и всегда идем в поход...», и понеслось сквозь паровозный дым, гудки и падающий снег:

Враг, прислушиваясь к гику,
Весь дрожит, труслив и слаб,
На казачью на пику
Поднят немец, вздернут шваб!..

Вот такие песни мы теперь поем. Патриотизм в обществе достиг уже какой-то истерической ноты. Побежали на фронт гимназисты. И их вовсе не разворачивают, не возвращают обратно обезумевшим от горя матерям, нет. Из них делают героев, образец для подражания. То и дело встречаю плакаты с сытыми улыбающимися детскими мордашками под солдатскими фуражками, грудь в крестах, забинтованная рука на перевязи. Поговаривают разрешить окончившим восьмой класс гимназистам записываться добровольцами. Неужели

бросим в топку войны неокрепшие юные души? Будем делать из них профессиональных убийц? И устилать кровавые дороги войны детскими телами? И после гордиться этим? А место убитых юношей и не рожденных ими детей займут пленные австрийцы, которых тысячами и десятками тысяч нынче отправляют в Сибирь. Во что превратится Россия спустя пару десятилетий?

* * *

Сегодня ночью в нашем доме жуткий переполох. Уже далеко за полночь, я, признаться, крепко спал, вдруг шум, гам, свистки городских. Во флигеле напротив накрыли игорный притон. Проснувшись, высунулся в окно, несмотря на мороз, уж больно было любопытно. Да, впрочем, не я один, и другие соседи. Старый флотский капитан в отставке Лиферов из № 13 даже спустился во двор, накинув на плечи, прямо на шелковый халат, шубу. Не люблю его, высокомерен до крайности, надутое лягушачье лицо, смотрит поверх голов, никогда не отвечает на поклон. Вот сейчас вышел он во двор, видимо, лишь за тем, чтобы показать собственную значимость, шуба с бобровым воротником, под ней халат новый, сверкающий, с модным турецким мотивом. Стоит, разговаривает с городовым, не разговаривает даже, требует отчета. Оказывается, держала притон в четвертом этаже в своей квартире поручица Стерлюгова, знаком я с ней не был, но, встречая во

дворе, раскланивался. Играли в макао. Полиция переписала тридцать человек, а семерых препроводили в участок для выяснения личностей, видимо, те не хотели сказаться своими именами. Говорят, некоторые дамы пытались спрятаться от полиции в туалете, пять или шесть дам и с ними пара мужчин. Бедняжки, скандализированы до крайности.

* * *

Керосина в городе нет. Говорят, что есть, но лавочники не хотят продавать по твердой цене. Накупил свечей. И те дороги.

* * *

«Мудрец избегает всякой крайности, роскоши и великолепия». Почему всякая крайность – это роскошь и великолепие? Разве это не один полюс? Тогда на противоположном должно быть нищете. И ее мудрец тоже должен избегать? Тогда он должен заботиться о своем достатке, а, следовательно, стремиться к роскоши. Совсем ты меня запутал, друг мой Лао-Цзы. Всякое явление порождает собственную противоположность. Вечный оксюморон. А если жизнь складывается так, что роскошь и великолепие пропадают сами собой, надо радоваться такой заботе со стороны Вселенной? Нет воз-

возможности приобрести что-то, еще вчера бывшее необходимым, и сегодня это уже заменено чем-то другим, попроще и попроще. Нет возможности получить и этот заменитель, суррогат, ладно, обходимся как-то. Этакое вынужденное смирение. «...Знающий меру бывает доволен своим положением».

Мне стал нравиться Лао-Цзы. Нет, это неправильное слово – «нравиться», он не может мне нравиться, но его миропостроение стало мне очень близким, я узнаю в нем свои мысли, как будто он – это я сам. Тот мир, который он предлагает мне, мир, основанный на вечном, существующем отдельно от людей, нравственном законе, на Дао, как он это называет, этот мир очень красив, но абсолютно невозможен. Логика его безумна, но безумие его абсолютно логично. Мне тепло с ним, с этим жившим сотни и сотни лет назад сумасшедшим. Я смотрю на него сквозь века, как сквозь толщу воды, вода увеличивает, как линза, отсекая ненужные мелочи по краям. И вижу, если не самого себя, как я есть, то самого себя, как мне хотелось бы быть.

* * *

Готовлю подарки к Рождеству, купил для Елены ноты новомодной песенки «Jingle Bells», племянникам хотел подарить железную дорогу, но не нашел нигде. Даже не знаю, чем заменить.

Вместе собрались и вечером приготавливали елочные игрушки, мы с Еленой из папье-маше сделали ангелов и медведей, а Санька и Дорофей раскрашивали их красками, потом

покрывали грецкие орехи сусальным золотом. Много смеялись, совсем как до войны, только не было с нами Климента. Дети ушли спать, пожелав матери и мне спокойной ночи. За окном падал снег, я стоял у окна, смотрел, как он беззвучно летел из-за крыш и покрывал собой переулочек. Белым сава-ном. Елена играла на фортепьяно из Шумана.

Когда шел к себе по Конногвардейскому, задул ветер, судорожно закружил снежные хлопья в желтом воспаленном свете фонарей. Подходя к дому, увидел, что из нашей подворотни вышел незнакомый мне господин, высокий, в длинном синем пальто в елочку. Я практически столкнулся с ним у ворот. Встав прямо передо мной, он коснулся рукой своей шапки-финки, как бы приветствуя меня, но при этом совершенно заслонив свое лицо. Рука его была в зеленой, цвета бильярдного сукна перчатке. Я чуть поклонился и проскользнул за открытую створку ворот. Дворника во дворе не было. Я запер ворота засовом и поднялся к себе. Было уже несколько за полночь.

* * *

Водил племянников на каток на Марсово поле. Пока дети катались, совсем замерз, отогревался только горячим чаем. Как бы не разболеться к Рождеству. Видел среди катавшихся очень интересное женское лицо. Санька кричит мне: «Дядя, смотри, как я!» – и едет ласточкой, а я повернулся

смотреть, а за ней молодая дама об руку с кавалером, и такое лицо необычное, очень бледное, фарфоро-прозрачное, скулы высокие, подбородок узкий, треугольное почти лицо, улыбка змеится на тонких губах, и змеятся, разбегаясь к вискам, раскосые, какие-то египетские глаза медового тягучего цвета. Из-под белой норковой шапочки выбились персиковые пряди волос. Удивительное лицо. Нездешнее. Неземное. Промелькнуло быстро рядом, и пара, красиво развернувшись, исчезла среди других фигуристов. Потом, сколько ни смотрел, больше не видал. Может, и привиделась та необычность на ярком, слепившем глаза зимнем солнце.

* * *

«Воздержание – это первая ступень добродетели, которая и есть начало нравственного совершенства». (Вот так вот????!!!)

* * *

На улице минус 25 по Реомюру, холодища, занятия в гимназии прекращены, Санька сидит дома и дуется, что наши, уже ставшие привычными, эскапады невозможны.

Опубликованы новые стихи Сологуба.

ГАДАНИЕ

Какой ты будешь, Новый год?
Что нам несешь ты? Радость? Горе?
Идешь, и тьма в суровом взоре,
Но что за тьмою? Пламень? Лед?

Кто разгадает предвещанья,
Что так невнятно шепчешь ты
У темной роковой черты
В ответ на робкие гаданья?

Но как в грядущем ни темно,
И как ни мглисты все дороги,
Мне на таинственном пороге
Одно предвестие дано:

Лишь только сердце бьется верно,
А все земные бури – дым;
Все будет так, как мы хотим,
Лишь стоит захотеть безмерно.

«Все будет так, как мы хотим...» Ну-ну...

Хотя да, поэт прав, все происходит так, как мы того хо-

тели, все желания исполняются. Но, Господи, храни нас от желаний. Ничего не желать значит не требовать от мира, вот в этом, наверное, и есть то воздержание, о котором читаю в «Книге пути». А может, я это сам придумал, а Лао-Цзы говорил совсем о другом. Кто знает. Истине невозможно научиться.

* * *

Читал «Копейку» и смеялся: «Петроградский градоначальник ввиду полученных им сведений о том, что в отделении банка «Юнгерн и Комп.», несмотря на запрещение пользоваться в разговорах с публикой и между собой немецким языком, последний является разговорным, и на нем даже ведется переписка, поручил участковому приставу полк. Келлерману (опять-таки Келлерману, не Петрову, не Сидорову) объявить 13 января дирекции банка в присутствии служащих и публики, что дальнейшее употребление немецкого языка для переговоров и переписки поведет к закрытию банка». С чем идет нешуточная борьба? С употреблением немецких слов. Банк, немецкий банк, имеет право быть и работать в столице Российской империи, а вот говорить по-немецки в нем нельзя, это преступление, за это надо строго наказать. А почему полковнику Келлерману еще не запретили носить фамилию предков, почему не велели ему переименоваться в какого-нибудь исконно русского Федулова?

Зачем останавливаться, давайте вообще откажемся от всех немецких корней, от фамилий, имен, названий, да от всего немецкообразного. Это приблизит нашу победу. Может, мы вообще сразу окажемся победителями, как только не останется в России ни одного немецкого слова.

* * *

Произошло со мной сегодня событие, вроде бы незначательное совсем, а что-то, какой-то осадок остался, что-то маячит в мозгу, вопрос какой-то не сформулированный. Нынче отправился я навестить одного своего старого друга Кудимова, не виделись мы уже лет, пожалуй, пять или около того, а тут получил я от него телеграмму с просьбой навестить его, так как он болен. А живет он не близко, в Мартышкино.

Когда подъехал я на пролетке к Балтийскому вокзалу, увидел некую ажиотацию, люди вдруг массой сдвинулись ко входу в вокзал, крича и указывая туда руками. Я закрутил головой, встав в пролетке, что там может быть такого. От входа по площади повели людей в кожанках, человек семь, кажется, их окружал вооруженный конвой. Явно пленные, наверняка немцы, в коже обычно ходят авиаторы, они шли молча, озираясь по сторонам. Вокруг собралась и стала преследовать их толпа любопытствующих обывателей. Расплатившись с извозчиком, я уже вылез из экипажа, как тут меня окликнули: «Простите, сударь, пролетка свободна?» Обер-

нувшись с тем, чтобы ответить утвердительно, я увидел высокого господина в шубе с воротником седого каракуля и в такой же шапке. Он приподнял трость, приглашая кого-то следовать за собой и глядя при этом выше моей головы: «Николай Евстахиевич, прошу сюда». Тотчас к нему подошел и стал садиться в пролетку сосед мой, капитан Лиферов. Меня он то ли не узнал, то ли не заметил, а может, счел ниже своего достоинства здороваться. Пока он усаживался, напарник придерживал его под локоток рукою в зеленой перчатке. Вот эта зеленая перчатка не дает мне покоя, зудит где-то в подкорке этакой навозной мухой. Не многие носят перчатки подобного цвета. Тот ли это человек, коего встретил я под Рождество возле своего дома, другой ли? Ведь лица его в первый раз я не разглядел. Но если он знаком со стариком Лиферовым, то вполне вероятно, что тогда шел от него. Хотя что в том такого.

* * *

Провел два дня в семье Вениамина Кудимова. Живет он с семейством очень стесненно. Две лучшие комнаты в доме они сдают жильцам, один из них доктор, другой путеец, для них жена Кудимова еще и готовит обеды. Сами ютятся в двух крошечных комнатушках, в одной – спальня, в другой – и столовая, и гостиная, и все, что угодно, здесь же было постелено мне на диване. Сын их, Павлуша, как зовут его ро-

дители, помещается в небольшом мезонине, уютном, но зимой там более чем прохладно. Дом в Мартышкино достался супруге Вениамина после смерти ее матери, ранее занимали они комнаты в доме Зверева у Кокушкина моста. Я не раз бывал у него в гостях. И сам он, и его жена Ксения Егоровна – люди гостеприимные и очень веселые. Устраивали вечера с гитарой и пением романсов. Даже сейчас, несмотря на очень, как я понял, скромные средства, принимали они меня с радостью. На обед была рыбная кулебяка, приготовленная самой хозяйкой, надо сказать, отменная. И после чая появилась гитара, и было спето несколько довоенных романсов, что, правда, вызвало, скорее, грусть, тоску по былым, не беззаботным, нет, но все-таки светлым дням.

Кудимов – человек, сам себя сделавший. Отец его был рабочим, кажется, токарем на Путиловском заводе, Вениамин обучался в ремесленных классах в училище цесаревича Николая, а когда там открыли отделение по оптике и часовому делу, окончил и его. Познакомились мы с ним, работая в оптической мастерской Урлауба, году, если не ошибаюсь, в 1905-ом, Кудимов был мастером, а я делопроизводителем в конторе. Некоторое время мы были дружны. Когда же я бросил работу, то и видаться мы перестали. По его словам, вскоре после начала войны он был призван ратником ополчения и оказался в службе воздушной эскадры Шидловского в деревне Стара Яблонна. Я не очень понял, где конкретно находится это место, могу только сказать, что это линия

Северо-Западного фронта. Много рассказал он интересного и, к сожалению, печального про положение в эскадре, о бомбардировщиках и аэропланах, о «Ньюпорах» и «Муромцах», да не к тому речь.

В начале зимы Кудимов простудился так сильно, что получил воспаление легких, чуть не умер, но выкарабкался, был комиссован, слабый, качавшийся, как былинка от ветра, возвратился домой к несказанной радости его жены и к новым ежедневным проблемам. Вернуться на прежнюю службу в силу слабого здоровья он не мог. Сына своего хотел он определить в реальное училище, но добираться туда каждый день железной дорогой было невозможно для него. Как говорится, куда ни кинь, всюду клин.

Чего, собственно, он хотел от меня? Просил подыскать ему какое-нибудь недорогое жилье в городе, не более двух комнат, где бы он с семейством мог обосноваться, сдавши весь собственный дом под жильцов, записать сына в следующем учебном году в училище, заняться поисками работы, как только позволит здоровье, в общем, как сам он сказал, начать жизнь заново. Я сначала решил, что помочь своему бывшему приятелю ничем не могу. Сам я не служу, поэтому оказать какую бы то ни было протекцию не в силах. С жильем нынче в городе сложно ввиду массы приехавших людей, и цены, конечно, сильно поднялись, особенно в центре столицы. Я так и сказал Кудимову, и он, вздохнув, наверняка это был не первый для него отказ, переменял тему, начал

вспоминать наши давнишние встречи и разговоры.

Слушая его, я вдруг подумал о том, что вот я живу в квартире из трех комнат, плюс к тому антресоль над кухней, где когда-то давно, еще до меня, вероятно, жила некая кухарка, а я превратил это помещение в склад очень нужных, но давно забытых вещей. Живу один, полдня обычно провожу в семействе жены моего брата, и так далее, и так далее... Кудимов окликнул меня, он уже некоторое время что-то рассказывал, обращаясь ко мне, да я как-то выпал и перестал его слышать. Повисла, как пишут в романах, неловкая пауза.

— Прости, Евсей Дорофеевич, ты, видимо, заснул с открытыми глазами, я к тебе обращаюсь, а ты, словно чурбан деревянный, не шелохнешься, и ни звука от тебя.

— Да, Вениамин, и верно, как чурбан. Да только чурбан вот что решил. А переезжайте-ка вы все, всем семейством своим ко мне на Гороховую. Могу вам выделить от щедрот своих барских одну комнату плюс антресоль для вашего мальчика. Одна комната лично моей останется, а третья будет нашей гостиной, столовой и все такое прочее.

Далее беседа наша приобрела несколько сумбурный характер, сколько было вскакиваний, вскрикиваний, хватаний друг друга за руки, отказов («Нет, нет, речь совсем не о том, мы вовсе не хотели тебя стеснить...»), уговоров («Ах, да что же, если я предлагаю, то, наверное, хорошо подумал...»). В общем, уgomонились мы далеко за полночь, и в сухом остатке решено было следующее: Кудимовы переедут ко мне, сда-

дуг свой дом в наем, плату я с них брать не буду, а расходы на дрова, керосин и все другие жизнеобеспечивающие вещи мы будем делить пропорционально количеству наших душ. Обедать я, как привык уже, буду в доме жены моего брата, а вот завтрак и вечерний чай будут у нас совместными, готовить Ксения станет сама. Эпохальный переезд состоится где-нибудь в начале марта, когда они утрясут свои дела по сдаче комнат в наем, а я подготовлю квартиру к вселению новых жильцов.

Вот так, неожиданно для самого меня изменилась моя участь. К чему это приведет, посмотрим. «Большая дорога гладка и ровна, но люди любят ходить по тропинкам». Большая дорога – путь добра, вот по нему я и пойду, пусть в малой малости, пусть это не требует от меня каких-то лишений или подвигов, тем более, подвернулась возможность сделать доброе дело – не буду уворачиваться. Может, это станет началом моего собственного Пути. Надеюсь только, эта дорога, благими намерениями вымощенная, не приведет нас в ад.

* * *

Прочитал в «Ведомостях», кто были те люди в кожаных куртках, которых вел конвой от Балтийского вокзала. Я не ошибся, это действительно были пленные немцы. Команда боевого немецкого дирижабля. Они сбросили бомбы на Либаву, на город с мирными жителями, это же не военный за-

вод или склад боеприпасов. Для устрашения. Культурная немецкая нация. Гете. Бетховен. Гейне. Бомбы. Горящие дома. Мертвые дети. Такой путь из пункта «А» в пункт «Б».

Авиаторов посадили в Петропавловскую крепость. Скорее всего, их как военных преступников расстреляют. Люди полны ненависти, требуют немедленной казни этих извергов, пишут гневные письма, пожалуй, даже воззвания в газеты, я читал несколько. Если бы они могли, то казнили бы каждого по нескольку раз, всячески, как можно более изощренно. А еще звучат требования бомбардировать в ответ немецкие города – око за око, зуб за зуб.

А где же православная проповедь любви к врагам, христианское всепрощение? Или здесь ему положен предел? Разве вершиной человеколюбия не является любовь к врагам? Разве не этого требовал Христос? «Ненавидящим вас отомстите добром». Это, правда, уже не Христос, это Лао-Цзы, я по-прежнему ищу в нем что-то свое, что-то для себя. Истинно любящий не должен исключать из своей любви даже ненавидящих его самого. «За ненависть платите добром». Я вот пока прощать не научился. Тоже считаю, что немецких пилотов надо расстрелять. Но бросать бомбы на немецких детей, женщин да просто мирных обывателей, таких же, как я сам, как Елена, Санька, Кудимовы, все те, кого я знаю, таких же людей, только говорящих на немецком языке, – это такое же преступление.

Три месяца я не брал в руки эту тетрадь. Признаться, и позабыл о том, что писал эти записки, не то чтобы позабыл, конечно, но забросил. Столько событий надвинулось на меня, только поворачивайся, совсем не до писаний. Но теперь хочется как-то разложить не столько сами события этих месяцев, сколько мысли, связанные с ними, по полочкам, проанализировать, что ли, понять, что к чему.

Начну со дня, когда Кудимовы наконец переехали ко мне на квартиру. Я встретил Ксению с сыном на вокзале, а сам Вениамин должен был подъехать на следующий день на санях, привезти самые крупные вещи.

Ждать на перроне было холодно, а приехал я на вокзал слишком рано, пошел погреться в буфет. Взял в руки прейс-курant и удивился: ни баварских сосисок, ни венского шницеля, ни шпек-кюхенов – все антипатриотические блюда изгнаны вон. Только отечественное, только расейское – кулебяка, расстегаи, уха, ботвинья, селянка и гречневая каша. Спросил чая, буфетчик ответил, что его нет, кончился, а есть горячий сбитень. Ну что ж, сбитень так сбитень, лишь бы согреться.

Несмотря на то, что уж март на дворе, холодища стояла смертная, пора бы уже переходить на колеса, ан нет, все еще в снегу, мороз, и будет ли наконец весна по-настоящему

му, было не ясно. Мы ждали Вениамина к обеду, а приехал он уже ближе к вечеру, мы даже стали беспокоиться, где он. В тот день в городе на каждом шагу были манифестации и просто сборища ликовавшего по поводу падения Перемышля¹ народа. Благодарственные молебствования и прочее, общая радость и восторг. Великая победа на Юго-Западном фронте. Просидев в осаде с ноября прошлого года, истощив все свои припасы и съев последнюю кошку в крепости, австрийцы взорвали свои укрепления, уничтожили боеприпасы и сдались.

Вениамин на своих санях постоянно упирался в запруженные людьми улицы и площади, приходилось сворачивать и кружить по переулкам. Пока заносили вещи в дом, во двор выставился господин Лиферов, как всегда, ему до всего есть дело. Подошел ко мне и так пренебрежительно, даже не обратившись как следует:

– Изволите комнаты сдавать? На время или постоянно?

Я не удержался, уж больно показалось это мне невежливым, и прошипел ему в ответ:

– Квартира принадлежит мне, и распоряжаться ею я волен по собственному желанию. Вам, милостивый государь, докладывать не обязан. Или вы теперь у нас дворника замещаете?

¹ Перемышль – крупнейшая австро-венгерская крепость времен Первой мировой. Осада Перемышля продолжалась с ноября 1914 по март 1915 г. Гарнизон крепости поднял белый флаг 9 (22) марта 1915 года.

И отвернулся от него. Думал, он сейчас раскричится, приготовился услышать что-нибудь оскорбительное для себя. А тут пауза, за спиной тишина, и вдруг такое легкое прикосновение к плечу, и голос такой масляный:

– Что вы, Евсей Дорофеевич, никоим образом не пытался вас обидеть, простите старого осла.

Я оторопел, неужто это Лиферов. Оборачиваюсь, а он так улыбается ласково, на меня глядя, у глаз лучики морщинок, этакий старичок-добрячок, совсем на себя не похож, даже как-то ниже ростом стал. «Вы, – говорит, – как к спиритическим сеансам относитесь? Сейчас это очень модно». И приглашает меня к себе. «Приходите, – говорит, – запросто, и невестку свою приводите, ей любопытно будет». Я предположить не мог, что он мое имя-отчество знает, а уж тем более о том, что у меня есть невестка. В следующую среду, мол, к восьми пополудни. Я от неожиданности сразу согласился. «Придем, – говорю, – благодарю за приглашение». И он сразу к себе поднялся.

К моему удивлению, Елена сразу согласилась посетить спиритический сеанс на квартире капитана. Я и не предполагал, что она интересуется подобными вещами, оказывается, она весьма начитана в вопросах оккультных, месмеризма, спиритизма, тайных движений душ и всяческой мистической чепухи, читала она рассказы Блаватской, По, Лавкрафта и других авторов. Я полагал ее женщиной более приземленной и рациональной.

И вот мы пришли к Лиферову... Присутствовало человек пятнадцать. Пятеро расселись вокруг стола, остальным были предоставлены стулья несколько в стороне. Елене Лиферов предложил занять место за столом, она несколько смутилась, никак такого внимания к себе не ожидала, но предложение приняла и села между толстой дамой в невообразимой хламиде черного бархата, этакой перекормленной вамп, и молодым человеком с мягкой льняной челкой, постоянно падавшей ему на глаза, худым и, судя по порывистым движениям и беспокойным рукам, весьма экзальтированным. Все ждали медиума, он запаздывал, наверняка интересничал. Я уже хотел занять какой-нибудь стул, предназначенный для зрителей, но тут ко мне подошел сам Лиферов вместе с высоким блондином в поддевке и брюках, заправленных в хромовые вытяжные сапоги:

– Дорогой Евсей Дорофеевич, рад, что почтили наш маленький кружок своим присутствием.

Он разговаривал со мной, как со старым добрым знакомым. Я не мог понять, чем могла вдруг заинтересовать его моя скромная особа, но что поделаешь, я и сам улыбался ему, прямо-таки излучал радость. А он тем временем продолжал:

– Позвольте представить вам моего молодого друга, Родиона Ивановича Зеботтендорфа.

Ну, молодым его друга назвать можно было только по сравнению с самим капитаном, на вид ему можно было дать

лет сорок, в общем, выглядел он моим ровесником, а я уж к молодым людям даже с натяжкой не отношусь. Лицо его можно назвать даже красивым – правильные тонкие черты лица, голубые глаза, по-военному короткая стрижка. И четко по-военному же он щелкнул каблуками своих начищенных сапог и коротко поклонился, словно клюнул какую-то невидимую дичь. Было в нем что-то птичье, быстрые движения, манера смотреть на вас, слегка наклонив голову, так боком смотрит петух или, если угодно, орел, и неподвижные, практически не мигающие глаза. Неприятный взгляд, из-под него хочется скорее выскользнуть, как из-под слишком яркого света. И да, это был тот самый господин, который вместе с капитаном сел в мою пролетку у Балтийского вокзала, когда в город привезли пленных авиаторов с немецкого дирижабля, и, скорее всего, именно тот, которого я встретил в подворотне нашего дома в Рождество. И да, на руках его даже сейчас в комнатах были надеты зеленые перчатки. Я тогда еще подумал, что у него какой-то кожный дефект, экзема, ожоги или что-то подобное.

Вскоре появился медиум, и все наше внимание обратилось к нему. Это был тощий человек, черные всклокоченные волосы, такая же борода, явно южная кровь, болгарин, румын, не знаю. Был он сутул и явно нездоров, болезненно-землистый оттенок лица еще более усиливался от зеленого длиннополого сюртука, старомодного и местами залоснившегося. Весь какой-то расплывчатый, мутный. В комнате

пригасили лампы, стало сумрачно и как-то тревожно, сказывались общие ожидания чего-то таинственного, чуждого, а может быть, и страшного. Медиум занял свое место за столом и сеанс начался.

Про сеанс сказать могу мало, да и не хочу. Дамы задавали вопросы, стол вертелся, вызванные духи с усердием отвечали на вопросы. Видимо, загробный мир только для того и существует, чтобы обслуживать живущих, и, к примеру, Наполеону III только и забот, найдет ли Апполинария Ниловна утерянный в прошлом году на даче несессер и ехать ли Калерии Львовне с мужем в Кисловодск на воды, раз уж в Оверн нынче никак попасть невозможно. Да, кстати, про медиума эта самая Калерия Львовна, сидевшая рядом со мной, прошептала, закатив оплывшие, как свечные огарки, глазки, что он постоянно общается с Байроном и даже напечатал несколько стихов, кои дух поэта ему надиктовал. Я любопытствовал, где можно почитать эти произведения, но она как-то стушевалась, сама, дескать, не знает, но ей говорил друг хозяина дома, у него и спрашивайте.

После сеанса было чаепитие, к чаю или, скорее, вместо чая дамам предложены были ликеры домашнего приготовления, а немногочисленным мужчинам сигары и домашние горькие настойки. Я уже было собирался предложить Елене покинуть это собрание, отказавшись от «чая», вести разговоры с незнакомыми людьми казалось мне не слишком увлекательным времяпровождением, но тут ко мне подошел Ро-

дион Иванович с двумя рюмочками зубровки в руках. Отказаться не получилось, и он постепенно втянул меня в беседу, надо сказать, небезынтересную. Говоря о том и о сем, сейчас уже не вспомню, он упомянул, что несколько лет прожил на Востоке, в Турции, учил турецкий язык и увлекся изучением суфизма. Видя, что слово «суфизм» мне ничего не говорит, он счел нужным пояснить:

– Дервиши. Вы наверняка слыхали о них. Картины Верещагина вам случалось видеть?

Я действительно несколько лет назад, будучи в Москве, видел в галерее Третьякова несколько его картин из так называемой Туркестанской серии и нищих в пестрых лоскутных халатах с тыквами-долбленками у поясов запомнил. Но что такое блуждающие нищие? Для меня – ничего значимого. Да еще и религиозные фанатики.

– Вы ошибаетесь, Евсей Дорофеевич, дервиши, а правильное все-таки сказать, суфии – это вовсе не те попрошайки, что бродят по русским дорогам. Суфии – люди пути, люди, идущие к самой сути бытия, люди знания, а не веры. Я много времени провел среди них, изучал их взгляды, их философию. Даже написал несколько статей. Правда, публиковал их только Университет Фридриха Вильгельма в Берлине не для широкой публики, так что читать их могли разве что немногие специалисты.

В общем, слово за слово, этот человек заинтересовал меня, увлек своими рассказами. Я даже попросил его как-то

сориентировать меня в литературе, чтобы я мог сам разобраться или хотя бы попытаться разобраться с философией пути. И что же? Теперь я сижу, обложившись журналами, словарями, делаю выписки, начал посещать Публичную библиотеку. Статьи все больше на немецком, а моего школярского тут явно не хватает, поэтому не выпускаю из рук словари. А они далеко не всегда могут помочь, не все термины там можно найти, поэтому каждый раз, набрав полные руки вопросов, иду к Родиону Ивановичу за разъяснениями. Мы стали как-то незаметно дружны с ним, я начал очень нуждаться в нем, в его знаниях, в его опыте.

Зеботтендорф – человек необыкновенный, настоящий ученый, как много он знает из истории и восточной философии и всегда готов делиться этими знаниями со мной, весьма темным, как я теперь понимаю, в этих вещах. Он часто бывает у меня, мы пьем чай и разговариваем вчетвером, Родион Иванович, Вениамин, Ксения и я.

Кудимову повезло, он быстро устроился на работу мастером в Общество Оптического и Механического Производств, добираться, правда, далековато, на Выборгскую сторону, но это единственный недостаток. Про работу свою он рассказывает мало, но понятно, что делают они какие-то оптические приборы для армии – прицелы, дальномеры, что там еще для нужд ненасытной войны, я не очень себе представляю. Работой своей он увлечен. Иногда по вечерам сидит в своей комнате и что-то колдует над чертежами, напе-

вая под нос какой-нибудь романс, не замечая, повторяет раз за разом одну и ту же фразу, как заезженная пластинка.

Уже май, но как-то промозгло, морозы стояли почти до конца апреля, ничего не расцвело. Я не знаток сельского хозяйства, но даже мне понятно, что ничего и не посажено, земля ледяная. В квартире тоже не особо тепло, экономим дрова, мало того, что они дороги, по семи рублей сажень и больше, но и купить их не так просто. Сидя вечером за чаем, кутаемся в пледы.

Я нашел для Саньки новую стезю, слава богу, больше не нужно ей, как в авантюрном романе, бегать по улицам переодетой мальчиком, а мне престарелым Лепорелло следовать за ней. Я предложил ей позаниматься с Павлушей Кудимовым, подготовить его к поступлению в Реальное училище. И Санька развернулась вовсю. Вверенного ей ученика она опекает нежно и строго, «...как орлица над орленком...», Павлуша, мальчик тихий, застенчивый, я бы даже сказал, робкий, слушается ее во всем, прилежно зубрит арифметику. Больших успехов пока, правда, не выказывает, но Санька очень старается, играет теперь роль учительницы, сама такая важная стала, степенная, так что может и натаскает своего подопечного до необходимых высот. И теперь после обеда у Елены я раза три в неделю забираю племянницу к себе, они с Павлушей занимаются в гостиной у окна науками, а после вечернего чая провожаю ее домой.

К моему огорчению, с Родионом Ивановичем Санька не

ладит. Как-то он заглянул в тетрадку с задачками и нашел ошибку, которую учительница наша проглядела, не исправила. Стоило ему только указать на это, как Санька вскочила, надулась вся, глазищи как пятаки, и холодно так, светским тоном говорит:

– Вам, сударь, не пристало вмешиваться в дела, куда вы не были приглашены.

И все. И села как ни в чем не бывало на свое место, и Павлуше, покрасневшему от того, что его ткнули носом в ошибку:

– Не обращай внимания, мы с тобой решим еще пять таких примеров и больше не будем ошибаться, правда?

Мне было очень неловко тогда, но Родион Иванович совсем не рассердился на Санькину дерзость, только с едва заметной улыбкой слегка ей поклонился, как даме, и отошел к нам.

Когда вечером я провожал племянницу домой, спросил ее, чем же заслужил мой друг такое нерасположение.

– Этот твой Жаботен, он очень противный, дядя, – говорит она мне.

– Да чем же он столь противен? – спрашиваю.

– Он как крыса. Вот знаешь, однажды, я еще тогда маленькая была, прокралась я в столовую за сахаром. На стул влезла с ногами, к сахарнице потянулась и крышку с нее сняла. И тут слышу, шур-шур по полу. Смотрю, крыса откуда-то вылезла и по комнате кругами бежит. Кружит и нюхает, буд-

то ищет что. Я со страху на стуле застыла, сижу, в комок сжавшись, с крышкой от сахарницы в руке, и ни закричать, ни убежать не могу. А крыса круги сужает вокруг стола, потом села на задние лапки, нос задрала и нюхает, нюхает. Потом раз к столу, прямо по ножке его влезла, и к сахарнице. Вот она лапками своими человеческими малюсенький кусочек сахара взяла, села прямо напротив меня, а я же маленькая, у меня глаза прямо над столешницей, и крыса такая огромная прямо передо мной. Я каждую шерстинку на ней рассмотрела. А она сидит, в глаза мне смотрит спокойно и сахар грызет. А взгляд такой, знаешь, будто говорит: «Ну что ты мне сделать можешь, здесь я – хозяйка, а тебя вообще нет». Сгрызла, лапками мордочку вытерла, пузо свое почесала и, фыють, как-то мгновенно исчезла. Только тогда я отмерла. Тихонько сахарницу закрыла крышкой и на цыпочках ушла прочь из столовой. Так вот, дядя, этот твой Жаботен, он как та крыса, кружит, нюхает и никого не боится, это от него страх идет, замораживает.

Вот придумала тоже девочка, «страх идет». Я помню, мне его взгляд тоже по первости неприятным казался, но это когда уж было. Родион Иванович – воспитанный, образованный человек, очень расположенный и ко мне, и к моим друзьям Кудимовым, а она его крысой обзывает. Я попросил Саньку больше так про него не говорить. Она мала еще, живет детским восприятием. Со временем это у нее пройдет, станет прозорливее, что ли.

И разверзлись хляби. Вчера в городе было настоящее природное бедствие. Весь день бушевал ужасный ветер, такой, что срывал вывески и валил деревья. Дождь, да нет, не дождь, ливень, два, даже три ливня вместе, струи, как перевитые канаты, хлещут по растерянным лицам домов, норовят подсечь разбегающихся редких прохожих. Вслед за этим поднялась вода в Неве, хлынула через гранитную кромку, залила улицы, радостно воя, ворвалась в дома. Попыткась телефонировать Елене, как там у них, все ли в порядке, но аппарат не работал. Был настолько обеспокоен, что пошел к Лиферову, чтобы воспользоваться его телефоном, но и у того не работал, значит, повреждена линия. Не имея никаких известий, хотел побежать к ним, но мостовые уже залила невиская вода. Ксения отговорила меня, хотя стоило это ей немалых усилий, так рвался я бежать в семью своего брата. Нонешным утром того дикого разнузданного ветра уже не было, и я, невзирая на глубокую грязь под ногами, отправился к дому Елены. У них, слава богу, все в порядке, вчера весь день просидели дома, никуда не выходя. А вот квартиры в первом этаже дома и в том числе квартиру князя Лейхтенбергского затопило, конечно, это же прямо на набережной. И теперь оттуда выгребали нанесенную жижу, пытались очистить и просушить пострадавшую мебель. В самом створе

переулка прямо на мостовой лежала на боку барка, вокруг нее были разбросаны дрова, сустились мужики. Видать, ее вынесло вчера на берег от причала.

* * *

«Управление великой страной напоминает приготовление вкусного блюда из мелких рыб». Дружок мой, Лао, да ты – кулинар. Какая восхитительная параллель. Авдотья Поликарповна, кляня дороговизну, купила у рыбаков, что стоят прямо на Английской набережной, рыбы, фунтов пять-шесть, не более. Рыбы всякого размеру, от самой меленькой до размером с ладонь. Из всего этого рыбного ассорти решила приготовить котлетки. Котлетки ее были вкусны, тиной совсем не отдавали, спасибо добавленному в фарш ситному и молоку, но сколько же мелких движений пришлось ей совершить и сколько в итоге потратить времени, и почистить, и разобрать, вынимая все нитеподобные косточки, и прокрутить на мясорубке, и... и... и... Эти вот, не видные никому мелкие движения, каждое из которых само по себе ничего не достигает, в результате приводят к получению красивого результата. Вот мелкая речная рыба, скользкая, пахнущая, да что там, каждый знает, как пахнет эта самая рыба, и вряд ли кто-то восхищается ее запахом, а вот волшебные котлетки или биточки с нежным картофельным пюре и сливочным или сметанным соусом – радость и для глаз, и для носа, и

для языка.

Про управление страной я могу сказать гораздо меньше, чем про кухонные *exercitium*², но да, наверное, он прав, мой друг Лао, мелкие подергивания за некие нити, короткие переговоры, что там еще, и огромный неповоротливый, казалось бы, корабль плывет, плывет в указанном кормчим направлении. Но какая параллель! Мелкая рыба и управление страной!

Читаю уже по второму кругу эту маленькую книжицу, и каждый раз вижу что-то новое, свежее, созвучное мне, стране, миру, сегодняшнему дню. А ведь написано все это было огромное количество лет назад. И как будто специально для меня. Потрясающе!

* * *

Сегодня первый раз был у Родиона Ивановича. Он расхворался немного, погода по-прежнему стоит гнилая. Я просил его по телефону прийти, разрешить мои очередные вопросы по поводу агностицизма в учении суфиев, он сказал, что слишком слаб, но пригласил меня к себе. Живет он на углу Измайловского проспекта и 7-ой Роты. Высокий красивый дом с угловой башней построен Сельскохозяйственным товариществом «Помещик» незадолго до войны. Квартира

² Упражнения (лат.).

Зеботтендорфа в четвертом этаже.

Принимал он меня в небольшой гостиной, стены ее увешаны картинами, жанровые сценки и пейзажи небольшого формата выписаны очень подробно, явно старой работы. Я спросил, оказалось, Родион Иванович собирает живописные полотна голландской школы. Заинтересовавшись, я стал медленно обходить комнату, разглядывая их одно за другим.

– Нравятся ли они вам? – спросил меня хозяин.

Безусловно, они не могли не нравиться: полные света, зачастую с тонкой насмешкой над изображенными на них героями, с деталями, окнами, например, дичью или полочками, выписанными так тщательно, что те просто выпирали из полотен, иллюзия объемности была полной. Я был просто восхищен. Тогда Родион Иванович предложил мне пройти в его кабинет.

– Там висит моя любимая картина. Я вам ее покажу.

Мы прошли в его кабинет, очень аскетичный, конторка в эркере между трех узких окон, пара книжных шкафов, кожаный диван с высокой спинкой между ними, еще что-то, а напротив дивана на пустой стене единственная картина, вертикальная, высотой около полутора метров. В золотом мерцающем сумраке – высокий ангел, огромные крылья тают во мраке за его спиной, у ног – скорченная женская фигура. Взгляд ангела то ли растерянный, то ли близорукий. Мне бросились в глаза его руки, совсем не ангельские. Какие руки должны быть у ангела? Тонкие, субтильные, полупрозрач-

ные. Мне так кажется. А тут – широкие крестьянские ладони, выпирающие косточки запястьев, руки, явно привычные к тяжелому труду, да еще и открытые по локоть.

– Это «Явление ангела Агари». Сюжет вам наверняка известен. Автор этой картины был одним из учеников Рембрандта, но живописной манере своего учителя следовать не стал. У него совсем по-другому прорисован свет. Да все совсем по-другому. Кстати вы очень верно подметили «не ангельские» руки ангела. Вот, я вам прочту одно стихотворение:

Язык распух, в горле горькая гарь.

– Куда ты бредешь, Агарь?

Пятки в кровь, в песке – киноварь.

– Далеко ли еще, Агарь?

Пот в глаза, пыльная хмарь.

– Что ты видишь, Агарь?

Ангел перед тобой, грубой мужицкой рукой
Указует вдаль.

– Что ты хочешь, Агарь?

– Рядом совсем вода,

Только по камню ударь.

Утешься, моя Агарь.

Я потом попросил записать эти стихи для меня. Спросил, не сам ли Родион Иванович написал их, это меня несколько не удивило бы, он очень тонкий человек. Но он ответил, что это один малоизвестный немецкий поэт, имя его ничего мне не скажет, а он лишь перевел стихотворение на русский язык. Но мне кажется, он из скромности передал свое авторство некоему «малоизвестному» поэту.

Тогда же Родион Иванович рассказал мне, почему на руках его всегда надеты перчатки и почему они зеленого цвета. Начал он, правда, именно с цвета. Мы заговорили о мистицизме, свойственном всем восточным религиям, и тут он спросил меня:

– Вы наверняка не раз задавали себе вопрос, почему мои перчатки зеленые. Но из вежливости никогда не спрашивали меня об этом. Так вот, дорогой Евсей Дорофеевич, отвечу на ваш невысказанный вопрос. Зеленый – цвет мистический. Да, это один из основных цветов, почитаемых на востоке, для мусульман – это цвет жизни, любимый цвет пророка. Для буддистов – это цвет покоя, тишины, укрытия, безопасности и в то же время свободы. Свободы от беспокойства, тревоги. Зеленый – цвет равновесия. Для любимых вами китайцев – это спокойствие, стихия воды, символом зеленого является дракон, воплощение силы и мудрости. И, кроме того, сам по себе зеленый цвет соединяет в себе синий, холодный, – спокойствие, интеллект и желтый, теплый – созревание, изобилие, духовное богатство.

Признаться, я примерно так и думал. То, что зеленый цвет был выбран им не случайно, а за его символическое значение. Цвет равновесия. Это очень подходит Родиону Ивановичу. Я тоже пытаюсь обрести это внутреннее равновесие, спокойствие, отрешенность от внешней суеты, освобождение от тревожных мыслей и переживаний. Но получается с трудом. Скорее, не получается, все-таки я – очень суетный человек.

А вообще перчатки Зеботтендорф носит постоянно из-за несчастного случая, изуродовавшего ему руки. Это произошло с ним на охоте. Вот что он сам мне рассказал:

– Вы знаете, я ведь не охотник, стреляю я плохо, да и, признаться, совсем не вижу никакой радости в убийстве животных. Мы, современные люди, не настолько голодны, чтобы убивать для пропитания, а другие поводы для охоты я оправдать не могу. Как-то один мой приятель собрал компанию охотников и в том числе пригласил меня. Отказываться я не стал, решил, что просто прогуляюсь с ними за компанию. Был самый конец августа, знаете, такие прозрачные, холодающие дни, воздух хрустальный, будто ломкий. Вроде бы еще лето, но повсюду уже заметны первые ноты увядания, умирания природы, будто первый едва слышный колокольчик звонит к началу этого трагического спектакля.

Мы бродили вдоль лесных озер. Утки, готовясь к отлету, собирались на воде в стаи и становились жертвами стрелков. Я зашел в воду в узкой протоке, присел на корточки и стал

умываться чистейшей ледяной водой. За камышами меня не было видно с противоположного берега, и один мой товарищ пальнул по проплывающим мимо зеленоголовым селезням. Мне повезло, я как раз закрыл лицо ладонями, умываясь, заряд дробь пришелся мне по рукам. С тех пор ношу перчатки, не считаю нужным подставлять свои шрамы любопытным взглядам.

Вот такая история. И правда, повезло Родиону Ивановичу, мог бы без глаз остаться.

* * *

Были с Еленой и Санькой вчера вечером на выступлении поэта Северянина в Александровском зале городской думы. Билетами нас снабдил Родион Иванович. Хотел пригласить нас с Еленой, но из-за своей болезни сам не пошел, а отдал нам третий билет, и мы взяли с собой Александру. Слушали стихи более двух часов. Принимали поэта восторженно. И у моих дам глаза горели, что у взрослой, что и маленькой. Восторг и упоение. Обе знают многие его стихи наизусть, а Санька, как и положено юной девице, пишет их в свой альбом, мне как близкому человеку показывала, там и Игорь Северянин, и Бенедикт Лившиц, и Георгий Иванов, и прочие эгофутуристы, все, кого удалось ей выудить из альманахов «Очарованного странника» или «Петербургского глашатая», которые гимназистки передают с рук на руки.

Все эти поэты — певцы эго и одновременно отказа от эго, плывущие по волнам потока сознания, иной раз захлебывающиеся в нем или выныривающие на островах фатовства, гаерства и эпатажа. Хотя среди них есть очень талантливые люди, слушаешь или читаешь, и сердце плачет. Каждый из них чувствует себя в самой середине мира, самым средоточием мира, но тот, для кого эта срединность — не поза в попытке заинтересовать собою толпу, а искреннее самоощущение, рано или поздно почувствует, как сам растворяется в этом мире, проходит сквозь него, как мир проходит сквозь него самого, почувствует, что он и есть мир, весь мир, какой есть.

* * *

У меня был какой-то странный разговор с Вениамином. Он спросил меня, не заходил ли я к ним в комнату. Обычно я не захожу к Кудимовым, если их нет дома, зачем бы мне это надо. Но тут вот что было.

Пару дней назад мы с Родионом Ивановичем, как это уже стало у нас традицией, встретились у меня, чтобы поговорить, на этот раз говорили мы об одном древнем китайце, Чжуан-цзы. Наговорившись, решили выпить чаю. Дома никого кроме меня не было, Вениамин днем на работе, а Ксения, взяв с собой Павлушу, отправилась за покупками. Стал накрывать на стол, хватился, а ни банки с чаем, ни сахара на кухне нет, видимо, Кудимов утащил их к себе. Я по-

шел к нему в комнату, и точно — на столе его возле сложенных чертежей стоит банка, чайник заварочный и сахарница. Припозднившись, иной раз любит он заварить себе сладкого чайку покрепче. Открыл я сахарницу, а там ни кусочка сахара, пошарил на кухне, в буфете, нет сахара, кончился. Что было делать? Неудобно чай без сахара предлагать. Пошел я к соседям по парадной. Здесь не отворяют, там не отворяют, никого днями дома нет. Наконец, с третьего или четвертого захода повезло. Открыла кухарка, вынесла мне сахару с четверть фунта, спасибо, не пожалела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.